

Телевидение и информационный вызов терроризма

В 1990-х годах российское общество стремительно перешло к новому типу социокультурного воспроизводства – экранному, массмедийному. Фактически для подавляющего большинства населения телевидение сегодня является наиболее авторитетным источником общественного мнения. Более того, оно само формирует список существенных для россиян вопросов, обозначая рефлексивные рамки их жизненного пространства.

Насилие как герой инфотейнмента

В связи с борьбой за зрителя, которая на деле – лишь борьба за рынок сбыта культурной продукции, телевидение стало все шире использовать средства развлечения. Провести четкую границу между информацией и развлечением в СМИ непросто. Большей частью, эти функции перекрывают друг друга. Практически любой информационный материал посредством медиативных технологий может быть превращен в часть телевизионного зрелища. «Даже сообщения о терактах с человеческими жертвами могут считаться “развлекательными”, коль скоро они удовлетворяют наше любопытство и возбуждают. Поставщики такой информации хорошо это знают» [8, 25]. Зрелищность всегда будет провоцировать профессиональных телевизионщиков на злоупотребление аудиовизуальными возможностями с целью привлечения зрительского внимания. Недаром возник новый термин *инфотейнмент* (infotainment), соединяющий информацию и развлечение. Естественно, широкие возможности с точки зрения идей инфотейнмента представляет тот материал, который может с наибольшей силой потрясти зрителя, тот, который надолго запомнится, заставит переживать и сопереживать героям. Такой материал находится в «теневых» сторонах жизни общества, которые носят девиантный и разрушительный характер. И терроризм здесь обладает всеми качествами зрелищности и привлекательности, в которых нуждаются масс-медиа. В силу этого обстоятельства в экстремальные моменты террористических катастроф телевидение оказывается не только информационным окном в мир трагических событий, оно может индуцировать террористические угрозы, интенсифицировать их.

К сожалению, именно благодаря телевидению сегодня происходит адаптация общества к насильственным проявлениям под знаком террора. В экранном облике терроризм обладает всеми достоинствами хорошо «закрученного» кассового сценария – это тайна, стремительное и непредсказуемое развитие сюжета, психологическое напряжение, драматичность, сильные эмоции. Все эти свойства являются естественными стимулами для телевизионного инфотейнмента, подталкивающего медиа-менеджеров к использованию в коммерческих интересах даже такого явления как терроризм. Торговля информационным продуктом террористического действия – весьма опасная идея, которая оборачивается, по выражению Е.А. Дубко, в «психокомплекс взорванного общества» [6, с.

38]. Автор поясняет этот феномен следующим образом: «Экран превращается в спектакль, в “развлечение убийством”». В столкновении коммерческой выгоды и моральной неприемлемости в телевизионном менеджменте, чаще всего, выигрывает первое. Телевидению отводится роль «идеолога терроризма»: в погоне за сенсациями и адреналином телевидение «скушает и томится по терроризму, довершает работу террористов и популяризирует терроризм» [там же]. Острый негативизм исследователя по отношению к ТВ в данном случае представляет собой реакцию на реальные процессы в индустрии массмедиа, нацеленные на расширенное воспроизводство экранного насилия.

Ж. Бодрийар в работе «Прозрачность зла» писал, что проблема терроризма искажается СМИ в угоду низким страстям и массовой культуре. Рассматривая терроризм в контексте общей категории насилия, он объяснял особенности современных форм его проявления расширением зоны «прозрачности зла», порождаемой экраном. «Наше насилие <...> – это террор <...> оно возникает, скорее от экрана, чем от страсти, оно той же природы, что и изображение. Насилие потенциально существует в пустоте экрана благодаря дыре, которую он открывает в ментальное пространство» [1, с. 112]. По мнению Бодрийара, экран делает насилие общедоступным, приглашает к насилию, воскрешает «некогда отмершие формы насилия» и отражает «наше коллективное домогательство терроризма». отождествление терроризма с насилием делает границы терроризма слишком широкими. С методологической точки зрения это мешает его научной идентификации. Однако исследователь уловил знаковую тенденцию массового общественного сознания: понятийное разбухание термина терроризм, переполнение его содержания множеством значений, относящихся к различным проявлениям насильственной сферы бытия. В лингвоментальной практике представителей массовой культуры эта тенденция становится все более прогрессирующей. Причину этой широкоэкранный, порождающей ужас, общественной интерпретации терроризма французский ученый, аналитик современного общества, увидел в экранном телевизионном воздействии на социум. Фраза о «нашем коллективном домогательстве терроризма» проникнута ощущением биосоциальной предопределенности терроризма, его генерирования из сферы коллективного бессознательного. Развивая эту мысль, можно сказать, что телевидение играет роль катализатора для прорыва в сферу общественного сознания неких зародышевых сегментов насилия, потенциально уже готовых стать терроронесущими элементами человеческой ментальности.

ВРЕЗКА 2: Перенасыщенность экрана агрессивными аудиовизуальными образами смерти, отягощенными политическими смысловыми нагрузками, создают условия для эмоционально-психологического давления на массовое сознание, побуждая в одних, более редких случаях, – к подражательной агрессии, в других – к угнетенному состоянию

психики, пораженной страхом, в третьих – к утверждению стереотипической индифферентности в личностных оценках и жизненных позициях. Последнее вызывает особые опасения, так как благодаря телевизионным СМИ происходит привыкание общества к терроризму.

Главные российские телеканалы выплескивают такое количество информации о криминале, насилии, терроре, что, помимо их собственной воли, постепенно приучают людей к насилию, к тому, что это нечто обыденное, само собой разумеющееся, нормальное явление. Один из крупнейших теоретиков либерализма XX века Карл Поппер по этому поводу говорил: «То обстоятельство, что люди привыкают к созерцанию сцен насилия, что это становится для них чем-то обыденным, разрушает культуру» [цит. по 12,8].

Виртуализация действия, подмена эмпирического опыта личности опытом телевизионного «представления», «созерцания» того, как переживается этот опыт на экране, фактически означает самоотчуждение человека, лишение его целостности: «В медиальном пространстве реальность как созерцаемое «представление» конструируется по законам жанра драматического спектакля, в котором ружье, висящее на стене в первом акте, в последнем обязательно должно выстрелить, в котором есть кульминация и развязка, заставляющая зрительный зал замереть» [17, с. 187]. Неслучайно специалисты отмечают постоянный интерес средств массовой информации к отступлениям от рутинного и привычного к алогичным и аномичным формам сознания. Это особенно характерно для новостной журналистики, область поиска «событий» у которой – социальный хаос, деструкция и девиантные проявления, к которым самое прямое отношение имеет терроризм.

По наблюдениям Ю. Лотмана, электронные медиа можно сравнить с сумасшедшим, который, в силу своего безумия, получает дополнительную свободу в нарушении запретов, что придает его действиям непредсказуемость [9, с. 65]. Опасность заключается в очевидности тенденции к стиранию различия между виртуальным и реальным миром, между театром и жизнью, безумием и нормальностью. Поступок, чудовищный в своей деструктивности и не имеющий образцов, может перемещаться при повторении из области «взрыва» в сферу привычного, обыденного [9, с. 76].

В представлениях массовой аудитории это и происходит. Жизнь и смерть в медиапространстве лишаются тайны, которой они наделены в нормальном человеческом бытии, где есть место сакральному и профанному, вечному и случайному. Зрители у голубых экранов перестают ощущать экзистенциальное в себе, видят только натурализм, обыденность жизни и обыденность смерти. Обыденность смерти означает ослабление психологического барьера перед наступающей агрессией: идея лишения жизни, идея

смерти другого может стать средством для достижения «более высоких целей», может «заморозить» человека и сделать его безучастным ко всему происходящему, а может погрузить его в тягостное и мучительное состояние перманентного ожидания гибели. В любом случае, привыкание к террористическому насилию, демонстрируемому на экранах с маниакальной дотошностью к деталям, приводит к умиранию нравственного чувства. Об этом же говорит профессиональная «слепота» многих отечественных и зарубежных журналистов, предлагавших в период терактов вести непрерывный репортаж и посвящать данному событию львиную долю эфирного времени. Фактически это означало бы эскалацию напряженности и страха в обществе, усиление тенденции адаптированности к террору и, в конечном итоге, помогало бы осуществлению информационных целей террористов.

Парадоксально, что призывы к непрерывной информационной кампании по освещению теракта исходили от серьезных медиа-аналитиков [4, С. 5–17.], которые были уверены, что при таком подходе телевидение трансформировалось бы из механизма войны в конструкцию, предлагающую варианты выхода из трагической ситуации. Наивность и утопичность данных представлений, уверенность в том, что истину можно найти путем бесконечных многочасовых телевизионных обсуждений, показывает диспропорцию между завышенным уровнем журналистской амбициозности и узостью в понимании реальных механизмов деструктивного воздействия ТВ.

Телевидение как «механизм террора»

При обсуждении темы «Террор и медиа» телевидение обычно рассматривается исключительно как средство информации или как способ политического влияния на массы. Но практически никогда оно не исследуется как один из важнейших механизмов террора.

В отечественной медиалогии этот вопрос в рамках когнитивной научной проблемы был поставлен известным телеаналитиком Д.Б. Дондуреем, исходным моментом в позиции которого стало военное понимание самого механизма террористической деятельности. Он полагает, что террор – это, в первую очередь, оружие массового психологического поражения. «Цель террора – транслировать переживания катастрофических событий напрямую в миллионы квартир, в повседневную жизнь. Как бы далеко люди не находились от места трагедии. И телевизор здесь работает, во-первых, как главный проводник ощущения непреодолимой опасности и, во-вторых, как средство нанесения удара именно по чувству безопасности» [5]. Д.Б. Дондурей обратил особое внимание на то, что террор всегда воздействует на глубокие нравственные чувства, взламывает основные культурные табу и ценностные предписания. Очевидно, что террористам важно разрушить культурные скрепы социума, против которого они ведут

боевые действия, воздействуя на механизмы создания, трансляции и восприятия смыслов, которые в дальнейшем определяют поведение людей в данной социокультурной системе.

Поддача новостей во многом обусловлена скоростью передачи информации в эфир, что, пусть и непреднамеренно, создает простор для манипуляций и замыслов террористов. Известный актер и кинорежиссер Сергей Бодров, 13 сентября 2001 г. на кинофестивале в Торонто, дал интервью, в котором ответственность за теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне возложил на кино и телевидение: «Если бы не было телевидения, то терроризм бы потерял бы всякий смысл. Эти восемнадцать минут между первым и вторым самолетами, которые врезались в башни Торгового Центра, они же не случайны. Все точно рассчитано: чтобы успели подъехать телекамеры. Террористы, по сути, снимали свой фильм, который должен мир запугать, а телевидение просто оказывало им техническую поддержку» [10, с. 7].

Экс-премьер министра Великобритании М. Тэтчер, прямо назвала СМИ «поставщиками кислорода рекламы, в которой нуждаются террористы» [3, с. 173]. Бывший премьер министр Израиля Б. Нетаньяху, утверждал, что «не получившие освещения террористические акты подобны одинокому дереву, упавшему в безмолвном лесу» [11, с. 63]. Из всех этих высказываний напрашивается очевидный вывод: если террористов «морить информационным голодом», не давать их действиям той огласки, которой они так жаждут, – их вредоносное влияние и частота терактов будут значительно снижены. Но, в условиях демократии, свободы слова и жесткой конкуренции СМИ, подобный сценарий вряд ли осуществим. Кроме того, информационный бойкот террористов может вызвать их ожесточение и спонтанный всплеск террористической активности, что не раз уже осуществлялось в истории террористических движений. Выход из этой ситуации возможен только в адекватном изменении стратегии и тактики масс-медиа в отношении информационной политики террористов.

Будучи политически мотивированным явлением, терроризм нацелен на дискредитацию власти. Показать обществу, что власть не в состоянии его защитить – это основополагающая целевая установка террористической деятельности. Именно на ней строится вся система информационно-пропагандистского давления на массы. Другая цель – заявить о себе как о реальной и активной социально-политической силе, наносящей неожиданные и беспощадные смертоносные удары по противнику, под которым может пониматься не только государственная власть или политический режим, но и любой гражданин. Еще одна чрезвычайно важная установка – формирование имиджа террористов как героев-мучеников и бескомпромиссных идейных борцов за справедливость. Все эти пропагандистские задачи террористов напрямую связаны с деятельностью СМИ и в значительном большинстве случаев они реализовывались через

телевизионный экран. Особое место телевизионных СМИ в стратегических и тактических планах и расчетах террористов было документально подтверждено в ходе допроса террориста С. Радужева. Из текста протоколов его допроса видно, что исполнение своих главных пропагандистских задач террорист связывал непосредственно с телевизионными СМИ, а в качестве основной цели провозглашалось воздействие на мировое общественное мнение[15, с. 248–249].

В сентябре 2004 г. трагические события в Беслане дали повод для серьезных размышлений и анализа стратегии и тактики российского телевидения в период совершения террористической акции и в первые недели после нее. Безусловно, вся основная нагрузка по освещению теракта легла на информационные спецвыпуски. Если первоначально, в силу оправданного оперативными обстоятельствами дефицита информации, они были скупыми и лаконичными: многие уроки Дубровки были учтены. Это касается резкого сокращения подачи в эфир прямой трансляции репортажных видеоматериалов, которые могли бы повредить положению заложников и проведению контртеррористической операции. Со стороны СМИ не было никаких попыток интервью у террористов, что весьма позитивно. Но, по-прежнему, многие телерепортажи напоминали фронтовые сводки с места боевых действий, которые нагнетали зловещую атмосферу катастрофического ожидания развязки трагедии. Лишь некоторые репортеры стремились снять напряжение и вселяли в людей, хоть и призрачные, но так необходимые в этот момент надежды на благополучный исход событий.

После драматической развязки событий в Беслане ситуация в информационном отношении изменилась. Серьезной ошибкой многих телевизионных журналистов были кадры, откровенно демонстрирующие страдания детей. Прячась за слова о «профессиональной обязанности журналистов информировать население и показывать правду, какой бы горькой она не была», телевизионщики слишком легко перешли границы элементарных моральных норм, гуманистических нравственных табу, запрещающих публичный показ детских страданий и смерти.

Примечательно, что после трагедии в Беслане многие телекомпании западных стран, включая Би-Би-Си, запретили своим службам снимать и показывать события так, как это делали российские телеканалы. В Лондоне после теракта 2005 года сразу же были жестко запрещены все показы пострадавших от теракта, как в первые минуты, так и в последующие десять дней. На Би-Би-Си не было демонстрации не только самих жертв, их родственников, близких и сослуживцев, но и очевидцев событий. В первый день показали дым, идущий из шахты метро, искореженный автобус, а затем телекамеры как бы отъехали от места событий метров на двести и рассказывали о происшедшем уже только издали. Даже главы государств, собравшиеся на заседание «большой восьмерки»,

смогли увидеть лишь размытые фотографии трагедии. Вопрос, показывать или не показывать теракт, даже не обсуждался, сама эта тема была волевым образом вытеснена из поля медиа и объявлена аморальной.

Российские телевизионные СМИ постарались выжать эмоциональный максимум из подробного хроникального показа событий в Беслане, проигнорировав возможные негативные последствия морально-психологического воздействия на родственников и близких заложников, на всех телевизионных зрителей.

В те трагические дни начала сентября 2004 года в эфир через телевизионные каналы шло много непроверенной информации, домыслов, слухов, создававших напряженность, панику и недоверие в общественном сознании. При этом некоторые журналисты ультралиберального толка часто представляли себя борцами за истину, людьми, способными разоблачить ложь официальных властных структур и поведать миру настоящую правду. Так, вопрос о статистике заложников специально был поднят для того, чтобы сфокусировать негативную эмоциональную энергию печатного слова и телевизионного эфира на дискредитацию власти. Между тем, любые манипуляции с цифрами в период теракта для всех органов власти противопоказаны. В условиях подготовки штурма или ведения переговоров они вынуждены сжимать информацию и фактологическую базу до скромных пределов. Напротив, именно журналисты, испытывающие информационный голод, заинтересованы в выдаче «фактов» на-гора, в распространении случайных сведений и слухов, неподкрепленных ссылками на источник («я сам слышал»). Ложь, на поверку, оказывается внедренной самими СМИ, но в эфир она попадала в перевернутом виде, якобы исходящей от власти. Все это есть отражение информационной психологической войны за смыслы, образы и оценки, возникающие и закрепляющиеся в массовом сознании.

В принципе, в демократическом обществе оппозиционность СМИ – явление обычное, не вызывающее возражений в своем правовом статусе. Оснований для критики власти в плане противодействия террористическим угрозам более чем достаточно. Однако борьба с терроризмом неизбежно требует укрепления институтов государственной и общественной безопасности, усиления ответственности не только административных и правоохранительных органов, но и «четвертой» информационной власти. Слабость государства открывает дорогу росту терроризма. Террористы всегда стремятся любой ценой добиться разобщения граждан, дискредитации государственной власти, ценностного раздробления социокультурной системы, связывающей людей в единое целое. А журналисты определенного круга, считающие себя либералами, оказывают им в этом неоценимую помощь.

Помимо новостных выпусков огромным смыслообразующим информационным ресурсом располагают аналитические телевизионные программы и ток-шоу. В течение недели с момента захвата террористами школы в Беслане на экранах ведущих российских телеканалов эти передачи не появлялись. Большинство телевизионных телеобозревателей и критиков расценили это обстоятельство как серьезное упущение или даже ошибку в работе массмедиа. Такие известные телеаналитики как Л. Радзиховский, А. Роднянский, Д. Дондурей, А. Салуцкий считали, что телевидение в эти дни не предложило публичных дискуссионных площадок, где люди пытались бы осмыслить террор в самых разных его аспектах [4; 14, с. 9]. В идеальном варианте либеральной парадигмы общественного развития телевидение представляется им социальным институтом, в котором в процессе общественных дискуссий, обсуждения разнообразных смыслов, дискурсов, идеологием и выявления противоречий между ними вырабатывается некий механизм саморегулирующегося демократического гражданского общества. В острые кризисные моменты террористических атак информационно-политические ток-шоу, по мнению либеральной интеллигенции, выполняют интегративную и медиативную роль, проясняют сложившуюся трагическую ситуацию для людей, сидящих перед экраном. Однако, подобная позиция умозрительна и далека от реальности. Ставка на позитивный потенциал теледебатных форм, адаптированного для массовой аудитории выяснения проблем противодействия терроризму, в практическом формате российского ТВ не оправдывается. В результате большой разобщенности населения по экономическим и политическим представлениям, по социальному положению, реальным бытовым условиям жизни, по пониманию прошлого и будущего, наконец, в силу социальных и межнациональных противоречий, дискуссионные информационно-политические программы в условиях терактов отнюдь не способствовали консолидации общества. Напротив, они приводили к усилению напряженности в межкультурной коммуникации, к расширению зоны риска возникновения конфликтов, к усугублению чувства растерянности, подавленности, неуверенности в будущем. В связи с этим решение руководителей телеканалов в трагические дни трагедии в Беслане отказаться от выпуска в эфир ток-шоу было абсолютно адекватным. Более того, добровольный мораторий на ток-шоу следовало бы распространить на более длительные сроки – две-три недели после происшествия. Вместо этих программ логичнее было бы представлять зрителям авторские аналитические программы, на которые приглашали бы людей, обладающих большим моральным авторитетом. Руководство телеканалов не использовало возможности организации специализированных круглых столов с приглашением специалистов-профессионалов по безопасности или психологов, с которыми зрители могли бы поделиться своими

естественными страхами, болью, переживаниями и получить необходимые консультации и психологическую помощь.

Во время трагедии в Беслане на российских телеканалах практически не обсуждались вопросы отношения к исламу, не было попыток объяснить разницу между ним и исламистскими террористами. Видимо, само присутствие этой темы на экране казалось недопустимым. Для сравнения: после теракта в Лондоне отношение населения к исламу было одним из важнейших сюжетов британских телевизионных СМИ. Было показано огромное количество документальных сюжетов (интервью с лидерами общин, с супругами, состоящими в смешанных браках, с выходцами из Пакистана), свидетельствовавших о том, что традиционный ислам сам по себе не является источником опасности. Ничего подобного на российском ТВ не происходило.

Информационные программы – это, хоть и очень важная, но всего лишь часть мощной системы телевизионного вещания. Очевидно, что в период теракта на защиту общественной безопасности должны работать и все остальные элементы системы [5]. Как только стало известно о захвате террористами школы, нужно было изменить весь контекст телевещания. Из эфира должно было быть изъято все, что связано с развлечением и коммерческими интересами. Например, реклама, которая выглядела неуместно и цинично на фоне происшедшей трагедии. В сентябрьские дни Беслана реклама полностью сохранила свои позиции в эфире. На телевидении отсутствовала селекция сюжетов и программ, посвященных криминальным темам.

Проблемы насилия, криминала, преступности разрабатываются российским телевидением уже давно, скрупулезно, систематически и масштабно. Они стали одним из основных семиотических медиаресурсов, реальным источником массовых мифологем в обществе. Это очень мощное и постоянно развивающееся производство сюжетов, героев, смыслов, рефлексий и объяснения жизни. Телевидение расширяет «криминальную нишу» вовсе не потому, что его принуждает к этому объективная ситуация в стране. Просто такая продукция из-за «захватывающей» сюжетики повышает рейтинг и служит источником больших доходов. В дни террористической акции в Беслане криминал продолжал оставаться самодовлеющей сферой телеэфира. Более того, он наслаивался на ужасающую трагическую ситуацию теракта, многократно усиливая атмосферу страха, опасности, незащитности и уязвимости человека в этом мире.

Репертуар кинофильмов на телеэкранах в начале сентября 2004 г. в значительной мере был изменен, и это, безусловно, положительный фактор. Психологическая задача сохранения у людей уверенности в себе, чувства собственного достоинства, сплоченности и патриотизма достигалась за счет фильмов о Великой Отечественной войне.

Показательно, что за три дня трагедии и четыре дня национального траура число советских фильмов о войне в сетке основных телеканалов увеличилось с восьми до сорока шести.

Фильмы, поставленные в план вещания на дни, в которые происходили бесланские события, приобретали на фоне трагедии совершенно иной социокультурный смысл. В целом события в Беслане показали, что по сравнению с освещением террористической акции в Норд-Осте, телевидение, в определенной мере, усвоило уроки прошлого. Журналисты перестали брать интервью у террористов, операторы и редакторы учли критику власти по поводу показа информации, которая могла бы стать подсказками для террористов в период проведения операции по освобождению заложников. Однако, выявились более глубокие противоречия, касающиеся роли телевидения в самом механизме воспроизводства террора, в медиативном воздействии терроризма как оружия массового психологического поражения.

ВРЕЗКА 3: Если в обобщенном виде представить роль и место современных телевизионных СМИ в освещении проблемы терроризма, негативная оценка будет преобладающей как со стороны научного экспертного сообщества террорологов, так и со стороны властных структур и населения. В научной рефлексии и общественном мнении утвердилась позиция, согласно которой телевидение – не просто информационный канал, несущий сведения о терроре, терроризме и террористах, но оно может служить проводником террористического воздействия на социум, новым типом оружия массового поражения в информационно-психологической войне, затрагивающей интересы всех и каждого. Формулировки могут показаться жесткими, но, тем не менее, они являются отражением реальных процессов, происходящих в социокультурном пространстве и закономерных тенденций внутреннего развития СМИ. С другой стороны, телевидение все же не стоит воспринимать, как среду, в которой деструктивное воздействие терроризма объективно заложено в механизме функционирования масс-медиа. У виртуально-знаковой телевизионной реальности есть скрытые резервы противодействия терроризму. Самую жестокую информацию можно поместить в разные смысловые пространства, сделать так, чтобы она нанесла значительно меньший урон чувству безопасности людей. В принципе, электронные СМИ имеют возможности снизить уровень концептуального напряжения от информационных атак террористов. Они могут демифологизировать адептов и сторонников террора и возвеличить истинных героев – спасателей и жертв. Они способны сконцентрировать общественное внимание на конструктивных идеях, например, на помощи пострадавшим от теракта. Они в состоянии консолидировать общество и не допустить разрастания социальных, национальных и религиозных конфликтов. Но осуществление этих задач возможно только при условии общественного контроля над

СМИ и доброй воле самих журналистов, понимающих свою ответственность перед обществом.

Список литературы

1. *Бодрийар Ж.* Прозрачность зла. – М., 2000.
2. *Бодрийар Ж.* Реквием по масс-медиа. // Поэтика и политика. – М.-Спб., 1999.
3. *Хофман Б.* Терроризм – взгляд изнутри. – М., 2003.
4. *Дондурей Д., Роднянский А., Радзиховский Л.* Война за смысл. Телевидение – не только информация, но и механизм террора // Искусство кино. — 2004.– № 9.
5. *Дондурей Д.Б.* ТВ в механизме террора.// Отечественные записки. 2005. № 3. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_2.-pr.html
6. *Дубко Е.А.* Терроризм и нравственность.// Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2005. – № 4. – С. 27–38.
7. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2004.
8. *Кустырев А.* Конкуренция и конфликт в журналистике. // Pro et Contra. – 2000. – Т. 5. – № 4.
9. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – М., 1992.
10. Московские новости. – 2002. 2– 4 – 30 сент. – С. 7.
11. *Нетаньяху Б.* Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма. – М., 2002.
12. *Пуцаев Ю.В.* Либерализм, квазилиберальные мифы и свобода СМИ. (Карл Поппер о роли телевидения в обществе). // Вопросы философии. – 2006. – № 8. – С. 3–14.
13. *Разлогов К. Э.* Экранная культура. // Теоретическая культурология. М. - Екатеринбург, 2005. – С. 557 – 562.
14. *Салуцкий А.* Кризис жанра. // Литературная газета. – 2004. – 22-28 сент. – С. 9.
15. *Устинов В.* Обвиняется терроризм. – М., 2002.
16. *Чельшев В.* Не бывает лжи во спасение. // Журналист. – 2004. – № 10. – С. 15– 17.
17. *Шайхитдинова С.К.* Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения.– Казань: Изд-во казанского университета. 2004.